

Так, Луначарский много пишет о такой сложной и значительной фигуре в русской советской литературе, как В. Маяковский. В 1920-е годы критики объявили поэта всего лишь «попутчиком революции», говорили, что его стихотворения непонятны народным массам. В такой обстановке трудно переоценить страстное партийное слово наркома А. В. Луначарского в защиту великого поэта. Отстаивал Луначарский Маяковского в статьях «Моим оппонентам» (1921), «Рабочая революция и искусство» (1923), «Искусство и молодежь» (1929), в многочисленных выступлениях.

В 1931 году в журнале «Литература и искусство» была напечатана статья Луначарского «Вл. Маяковский — новатор». Критик говорит о «встрече Маяковского как личности и пролетарской революции как гигантского социального явления». Луначарский считает, что судьба Маяковского трагична потому, что поэт опередил свою эпоху. К этому выводу он приходит постепенно: «Маяковский — человек очень большого роста, физически большая фигура, этому соответствуют его душевные свойства, размах его сознания, его страстей, его требований к жизни, его творческих сил. Они тоже калибром не подходят к тому, что его окружает»⁷. Луначарский опровергает тех, кто считает, что в поэзии Маяковский «все снижает и снижает». Статья утверждает обратное: стихи Маяковского — изысканные. Критик помещал Маяковского в одном ряду с такими гениями литературы, как Пушкин, Лермонтов, Некрасов.

Отличаясь богатой эрудицией, прекрасной памятью, Луначарский, кажется, не испытывал затруднений при создании того или иного литературного портрета. Но за этой кажущейся легкостью скрывается умение большого мастера слова — упорно работать, тщательно отделять детали своих произведений, чтобы тем самым содействовать подъему культурного уровня народа, развивать в нем уважение к художественной деятельности и самостоятельность суждений. Изыскство мысли, эмоциональность и красочность стиля, богатство средств публицистической выразительности, умение придать легкость материалу и глубина разработки темы помогали ему в решении этой благородной задачи.

¹ Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8 т. М., 1963. Т. I. С. 103.

² Там же.

³ Там же. С. 117.

⁴ Там же. Т. 8. С. 72—73.

⁵ Луначарский А. В. Об искусстве. М., 1982. Т. 2. С. 33—35.

⁶ Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 41.

⁷ Там же. С. 489.

Д. КРАМАРСКА, Г. Л. НЕФАГИНА

ХАРАКТЕР КОНФЛИКТА В ТВОРЧЕСТВЕ В. РАСПУТИНА И Ю. КАВАЛЬЦА

В. Распутин и польский писатель Ю. Кавалец принадлежат к одному тематическому направлению в прозе 60—70-х годов, условно называемому «деревенским». Объединяет их единство концепции «национальный мир и человек», выражающееся в сходстве сюжетных коллизий, типах героев, характере конфликтов. Писатели ориентированы на обострение «родовой» народной памяти, их интересы устремлены к познанию духовной сущности современников через знание исторических корней. Герои В. Распутина и Ю. Кавальца воплощают общенародные представления о чести и долге, о человеческом достоинстве и ответственности.

Причем характерной чертой, свойственной творчеству обоих писателей, является изображение настоящего «от противного»¹, сопоставление, а порой и противопоставление уходящих, доживающих свой век душевных «старинных старух» прагматическому поколению цивилизованных варваров (В. Распутин «Прощание с Матерой», «Последний срок»; Ю. Кавалец «Танцующий ястреб», «Зов»).

В основе произведений В. Распутина и Ю. Кавальца лежит общий принцип, согласно которому художник в пределах «малого объекта изображения» стремится объять национальное бытие в целом, «микромир» становится аналогом «макромира», средоточием проблем человечества². Любое обобщение вырастает на конкретном, осязаемом изображении обстоятельств и характеров.

Концепция взаимосвязи характеров и обстоятельств может быть трех типов: фаталистическая, волюнтаристская и социально-историческая. Известно, что «люди сами делают свою историю, но ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбирали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»³. Фаталистический взгляд на исторический процесс отводит человеку, его субъективным возможностям незавидную роль «винтика», попираемого неумолимым роком обстоятельств. Пожалуй, рецидивы такого восприятия можно обнаружить в повести В. Белова «Привычное дело», где герой всецело подчинен власти обстоятельств и его противостояние им выражено лишь как физическая выносливость и сопротивляемость. Другую крайность представляет волюнтаристская концепция, согласно которой история целиком творится действиями и волей личности, причем личности сильной, не зависящей от обстановки и других волей. Такой подход нередко наблюдается в современной литературе, посвященной изображению «сталинского» периода истории страны («Дети Арбата» А. Рыбакова).

Социально-историческое понимание связи характеров и обстоятельств учитывает, что человек своей деятельностью может изменить обстоятельства, творить их, но он не свободен от обстоятельств, данных историей, сотворенных другими людьми. Именно на такую концепцию опирается творчество В. Распутина и Ю. Кавальца.

Наиболее ярко типологическое родство повестей русского и польского писателей проявляется в типе конфликта, так как именно в его разрешении концентрируется общность их идейно-эстетических позиций. Если в повести 60-х годов преобладал тип зримого-внешнего конфликта, в 70-е годы он отражается через противоречия и столкновения духовности и бездуховности, в 80-е годы конфликт переносится внутрь и выражается в душевном разладе человека.

Мы уже отмечали,⁴ что характер и обстоятельства связаны определенным образом и можно выделить три типа их связи: формирующе-преобразующий, проявляющий и ценностно-ориентировочный. Каждому типу связи характеров и обстоятельств соответствует определенный тип конфликта. Так, формирующе-преобразующий тип связи включает в себя по преимуществу внешний событийный конфликт, построенный на столкновениях, измеряемый действием, поступком, борьбой. Необходимо отметить, что такой конфликт стал более гибким, бинарная структура его изменилась. Конфликт обуславливается множественными факторами и силами, часто затрагивающими разные жизненные сферы и уровни. Если «в подлинно художественном произведении внешне-событийные и внутренне-психологические начала конфликта выступают в нераздельной слитности, взаимоподчиня друг друга, переходя один в другой»⁵, то все равно имеет смысл доминирующий, преобладающий тип конфликта. Так, повести В. Распутина «Деньги для Марии» и Ю. Кавальца «Зов» характеризуются событийным типом конфликта с открытым выражением противоположных позиций. И «Деньги для Марии» В. Распутина, и «Зов» Ю. Кавальца рисуют переломные ситуации крестьянской жизни, в которых изменяются и проявляются характеры героев.

В поисках денег для возмещения растраты Кузьма, муж Марии, идет к односельчанам. Реакция каждого из них на просьбу Кузьмы выявляет их нравственную суть, становится мерилom человечности. В повести «Деньги для Марии» сталкиваются разные характеры, разные нравственные позиции.

Повесть Ю. Кавальца «Зов» — произведение драматически насыщенное, в котором нравственное противостояние героев приводит к трагическому самоустранению одного из них — Стефана Завады. Человек духовно богатый, одаренный художественным воображением, Стефан не выдерживает столкновения с прагматизмом. Конфликт в этих повестях раскрывает не только суть характеров героев, но и сущность самих обстоятельств действительности, сформировавших их.

Иной тип конфликта в повестях В. Распутина «Последний срок», Ю. Кавальца «На солнце» и «Танцующий ястреб». Это не обнаженное столкновение духовности и бездуховности в их яркой персонификации. Здесь скорее сопоставление тех противоречивых отношений характера и обстоятельств, когда неблагоприятные условия сформировали высокие нравственные понятия человека, цельную, устойчивую в невзгодах личность (Анна, старик-крестьянин в повести «На солнце»), а устроенная, обеспеченная жизнь вдруг выявляет безнравственность человека, мелочность его натуры, забвение им своих корней (дети Анны, Михал Топорны из повести «Танцующий ястреб»). Старики и старухи сосредоточивают в себе не только большой жизненный опыт, но и глубокую, веками складывавшуюся нравственность. Они — живое воплощение истории. В отличие от эгоистичных, поработанных вещами детей старики олицетворяют понятие о жертвенной доброте как основе общинного (совместного) существования. Но драма заключается в том, что нравственные герои В. Распутина и Ю. Кавальца оказываются последним звеном в цепи преемственного развития. Их дети, оторвавшись от земли, прирастают к городу только материально. Желание казаться «культурными» приводит их к усвоению поверхностного слоя городской цивилизации. Душа же, забывшая крестьянские корни, духовности и культуры не обретает, начинается подмен истинных ценностей эфемерными благами (Люська — дочь старухи Анны) или разрушение личности (Михал Топорны).

Конфликт, основанный на душевных противоречиях человека, на противоборстве разных начал образует сюжет повестей В. Распутина «Пожар» и Ю. Кавальца «Чертополох». Поиски смысла существования, нравственного стержня, мучительные раздумья о современной жизни, об окружающем определяют характеры Ивана Петровича и Пшемислава Гурны. Герои поставлены в такие обстоятельства, что от их действий, их активности зависит немного. Их неуспокоенность является скорее катализатором для других. Они в какой-то мере сами во власти обстоятельств, так как существует независимый от них «порядок». Но именно стремление изменить положение и приводит их к раздумьям.

События в «Пожаре» В. Распутина и «Чертополохе» Ю. Кавальца — это только внешние вехи, толкающие к размышлениям. Суть же характеров раскрывается не в поступке, а в его нравственных оценках.

В творчестве В. Распутина и Ю. Кавальца художественное исследование связи характеров и обстоятельств имеет важную грань: оно всегда связано с образным осмыслением народного характера в противоречивых, сложных условиях современной нравственно-бытовой ситуации. Писатели из быта, повседневности своих героев извлекают материал для философских обобщений. Типологическое сходство конфликтов объясняется не только подобием социальных условий двух государств в 60—70-е годы. Объясняется оно всеобщностью, независимой от национальности, тяги крестьянства к земле, к традиционным, привычным занятиям, укладу, общими психологическими чертами.

¹ Белая Г. Кризис? // Взгляд. М., 1988. С. 68.

² Арутюнов Л. Н. Национальный мир и человек // Изображение человека: Советская литература и мировой литературный процесс. М., 1972. С. 174.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 119.

⁴ См.: Крамарска Д., Нефагина Г. Л. Характер и обстоятельства в повести В. Распутина «Пожар» // Вестник БГУ. 1988. Сер. 4. № 2.

⁵ Погребной А. Художественный конфликт и развитие современной советской прозы. Киев., 1981. С. 133.